

Славный
юбилей
Большого
театра
СССР

И ВНОВЬ у Большого театра заведут яблони. Каким они запоздали с цветением, словно нарочно приберегали именно к этим дням свои удивительные букеты, которые не поларит ни один из самых верных театралов. Никто, кроме родной земли и весны...

В маленьком скверике — тихо, хотя по соседству, проспектом Маркса, бежит тропинка: автомобильная Москва. Наверное, потому, что рядом то мной чему-то улыбается дедушка, а на солнечной дорожке кормит голубей мальчонка, недавно научившийся ходить; что надо мнóй шелестит в белых

ветвях ветер, а на земле огненно полыхают сотни тольпанов. И, конечно же, потому, что рядом сам театр. Наш великий — Большой, у которого все в тебе вдруг сдвигается и осветляется необыкновенно высотой чувств.

Я люблю Большой театр. Я помню — все до единого — дни, когда бывал здесь. Но разве кого-нибудь удивишь этим? Не побывав в нем, мы мечтаем о вечере, когда светлым праздником придет к нам эта встреча. Однажды оказавшись, наконец, в его алато-пурпурном зале, прикрытом белым куполом потолка, на котором велут хором очаровательные покровительницы Муз, мы всю оставшуюся жизнь вновь и вновь будем стремиться сюда, ничем не забывая ни от первой встречи, ни от любой другой: если она почастливыжится.

Сегодня у него праздник. И праздник у всех нас. Торжественным собранием в его величавом зале отмечается двухсотлетие Государственного ордена Ленина. (теперь уже дважды ордена Ленина) академического Большого театра СССР.

Да, нашему главному театру страны уже два века. Два века труда и вдохновения; два века великого служения народу, из которого он вышел, с которым связал свою судьбу и который, в сущности, определил его историю. Все эти годы он шел своим искусством к сердцу и разуму, служил добру и правде, звал к свободе и счастью, открывал в людях прекрасное и учил прекрасному. И за это мы говорим ему сегодня великое всенародное благодарное слово.

Да, нашему главному театру страны уже два века. Два века труда и вдохновения; два века великого служения народу, из которого он вышел, с которым связал свою судьбу и который, в сущности, определил его историю. Все эти годы он шел своим искусством к сердцу и разуму, служил добру и правде, звал к свободе и счастью, открывал в людях прекрасное и учил прекрасному. И за это мы говорим ему сегодня великое всенародное благодарное слово.

Да, нашему главному театру страны уже два века. Два века труда и вдохновения; два века великого служения народу, из которого он вышел, с которым связал свою судьбу и который, в сущности, определил его историю. Все эти годы он шел своим искусством к сердцу и разуму, служил добру и правде, звал к свободе и счастью, открывал в людях прекрасное и учил прекрасному. И за это мы говорим ему сегодня великое всенародное благодарное слово.

Сейчас театр показывает ежегодно 320 спектаклей на сцене и 200 — на сцене Кремлевского Дворца съездов, приглашая в залы дворце-

менно свыше восьми тысяч человек. К этому надо прибавить гастрольные поездки по стране, шефские вечера на заводах и в селах, концерты, в которых принимают участие его лучшие мастера, миллионные аудитории радио и телевидения. Поистине нет человека в нашей стране, в чью жизнь его искусство не внесло бы главного — любви к Отечеству!

— Порой мы даже не замечаем, как много в нашей жизни связано с этим театром, — треврит подмосковная дарка Мария Трехова. — Утром едешь на лоуку, а из приемника — оперная ария. В полдень управившись с делами, зайдеш в красный угол — и снова слышишь знакомую музыку. И это прекрасно, когда человека все время музыка окружа-ет, хорошая музыка.

«...В вашем искусстве живет огонь Прометея...»

«Большой театр — сердце отечественной культуры, и это сердце открыто людям...»

Это — из приветствий, которые пришли в его адрес в эти райские дни.

Я БЫЛ в театре накануне его праздника. Естественно, что все в нем дышало атмосферой близкого торжества, словно и в самом деле в распахнутое окно на крыльях ветра донесило легкий аромат весеннего сада.

С цветами и без цветов, но больше с цветами, с подарками и без подарков, но со словами любви, уважения, восторга шли и шли в Красный зал театра делегации общественности, собравшая по искусству, просто благодарные зрители. А юбиляры — чародеи танца, волшебники музыки — были такими непривычно приятными, что временами просто не верилось: нужно ли это они выселяют Прометеев огонь из наших сердец? Откалкались на шумку шуткой; не скрывая чувств, подпрыгивали от радости (хотя делали это изычно);

шумно делили пирог (что может быть искреннее хлеба!), преподнесенный поэтами (балетчикам — величайшие оперникам); стоя, у книжного киоска, беспорядочно поглаживали по чашечкам — так хотелось кушать только что вышедшую книгу о своем театре, но время торопило на репетицию, и со вздохом выходили из очереди и, не дожидаясь лифта, бежали к репетиционным залам. Потому что работа даже в канун праздника оставалась работой, работой трудной, до сельмого пота (я видел сам, как тяжелела, влажная, полотница на «урке» — балетной гимнастике). Трудной, ежечелной, многочасовой, но совершенно необходимой и для самых юных, и для тех, кого мы давно знаем по именам...

А время уже шло к вечернему спектаклю. Уже встали у подлезда и на дальних подступах к театру верящие в чудо лишнего билетика, уже дышали трепетным волнением, поднимаясь по белым ступеням счастья, у кого билеты были. Мерцающий гаснет огромная почти полуротонная хрустальная люстра, и теперь только нарядные канделябры роняют свет в таинственный полумрак зала, на малиновый бархат кресел. Стихли основательные ударом смычка по дирижерскому пульсу разноголосые пассажи оркестрантов. Сейчас из праой двери оркестровой решительно выйдет дирижер. Минутная пауза — и вот уже, полные палочки, взорили звуки увертюры. И все ушло, отступило. Остался только волшебный мир искусства. И в нем — ты...

Я люблю Большой театр. Но разве кого-нибудь удивишь этим? Вот уже добрую четверть часа, как занавес открыл последний вальс Спартак и, словно прозенное колыбелью, ольдыжностью кровью мое сердце. Тремя алыми каплями сорвались с высоты я-

того яруса огненные гвоздики и, перелетев оркестровую яму, где, угасая, еще жила, была ошеломляющая музыка, упали на сцену. И в то же мгновение, движимый великим чувством, встал перетрясенный зал, и вот уже добрую четверть часа тяжелей занавес безнадлежно пытается остановить аллодисменты. Уже несколько раз смылкался он на середине. И открывался вновь. Уже по несколько раз выходили танцоры — все вместе и по отдельности, а зал, все пльте ярусов, яростно зовёт их снова и снова, словно собирается вдохнуть силы в терять. И они выходят вновь, еще не вернувшись из далекой Спарты, еще в боли и горести, чуткою оттененной усталостью этих часов. И в боли и горести мы...

А НА УЛИЦЕ уже глухая ночь. Уже троллейбусы уходят спать. Но от Большого, кажется, не спешат и они. Медленно отбывая сквер, где в неярком свете дремлют по-майски белые яблони, «тройка» будто специально оставляет минуточку-другую, чтобы еще раз оглянуться на высокий белоколонный античный портик с Аполлоном на колеснице.

Полезды театра уже почти безлюдны. Тяжелые лубовые двери открываются теперь совсем редко, выпускающая только тех, кто полчасика назад, сжигая свое сердце, высекал огонь в нас, а сейчас ябко кутается в еще прохладной майской ноци. Они спешат. Завтра у них — новый рабочий день. И значит, вновь в чью-то сердца будет биться музыка, зажигающая их, осветляющая мир.

Я люблю Большой театр. Мы все любим его. А он любит нас. И потому он идет к нам на праздник, чтобы они запомнились; и потому собирается в дорогу с шефским концертом его великие мастера — ведь только в лабиринте связи с народом неясноясно творчество.

В. ПЛОТНИКОВ.

РЕПОРТАЖ ДВА ВЕКА СЛУЖЕНИЯ НАРОДУ

Хлебный колос, цветы и слова приветия от друзей и подшефных театра — земледельца

Дмитровского района Московской области. Фроло Л. Белушина и В. Гетилора.